

16 ЯНВ 1982

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

«Буду рад новой встрече...»

Наш собеседник — народный артист СССР, солист Большого театра Евгений НЕСТЕРЕНКО.

— **ЕВГЕНИЙ** Евгеньевич, вы не впервые приезжаете в Таллин, не впервые поете Бориса в «Годунове» театра «Эстония». Может быть, стоит начать наш разговор с вашего отношения к Мусоргскому, его творчеству.

— Мусоргский... Конечно же, он один из крупнейших среди живших на земле композиторов, один из реформаторов музыкального искусства, без творчества которого нынешнюю музыку трудно

себе представить. Она и развивалась бы, наверное, иначе, если бы не было в ее истории Мусоргского... Он обладал удивительной способностью проникать в человеческую психологию, чувствовать тончайшие изменения, происходящие в человеческой душе. И не только чувствовать, но и сопереживать, сострадать. Мусоргскому была чужда фальшь, он всегда пытался говорить правду, как бы солоно она ни была. — Не сближает ли это Му-

соргского, скажем, с Достоевским?

— Отнюдь. Мне думается, это два качественно разных художника. В их судьбах немало общего, но в понимании и восприятии мира они все же разнились. Здесь надо иметь в виду, что прожил Мусоргский очень немного, всего-то 42 года, а мы, порой, судим об этом человеке, памятуя о портрете кисти Репина, написанном незадолго до смерти композитора. Да, Мусоргский создал горчай-

шего «Бориса Годунова», но именно им написаны и «Детская», и «Блоха», не говоря о незавершенной, к сожалению, «Женитьбе» по Гоголю.

Нельзя сказать, что моя любовь к Мусоргскому была любовью с первого взгляда. Теперь-то я понимаю, почему так происходит. Здесь есть своего рода парадокс. Хотя петь Мусоргского очень легко, этот композитор необычайно сложен и для исполнения, и для восприятия. Возможно, поэтому музыка Мусоргского при всем нашем преклонении перед ней не звучит так часто, как хотелось бы.

Горячим поклонником творчества композитора был мой педагог в Ленинградской консерватории Василий Михайлович Луканин, не раз, кстати говоря, бывавший в Эстонии. Занимался Василий Михайлович преимущественно с басами и баритонами, и не раз давал нам петь отрывки из «Бориса», причем как раз из той редакции оперы, которая идет на сцене театра «Эстония». А в конечном счете в наши, по вашему выражению, отношения с Мусоргским вмешался еще и случай. В год столетия со дня смерти композитора я получил предложение записать ряд его вокальных произведений для полного собрания записей композитора. Познакомившись с ними, я понял, как мало мы еще знаем о Мусоргском. То есть формально знаем, конечно, его всего, но ведь значки на нотной бумаге существенно отличаются от нот звучащих.

Мне и несколькими моим ученикам удалось подготовить практически все вокальные произведения композитора, которые составили

цикл из четырех концертов. Они стали своего рода открытием, событием в музыкальной жизни. В прошлом году мне довелось спеть большой концерт из произведений Мусоргского на сцене миланской Ла Скала. И снова музыка Мусоргского сказала сама за себя...

— Если не возражаете, давайте вернемся к началу нашего разговора, к «Борису Годунову» на сцене театра «Эстония».

— Взявшись за «Годунова», театр «Эстония» выбрал путь самый, пожалуй, сложный. Более того, мне думается, что им совершен творческий подвиг. Какими нужно было обладать смелостью, опытом, высокой музыкальной и сценической культурой, какими располагать певцами, чтобы взять за основу спектакля первоначальную, по мнению многих, неэффективную редакцию оперы, почти не имеющую традиции постановок. Попутно замечу, что сама афиша «Эстонии», на которой можно встретить названия очень и очень не часто идущих произведений, могла бы сделать честь любому коллективу самого высокого класса.

Я рад, что в какой-то мере причастен к рождению «Годунова» на сцене театра «Эстония». Помнится, не более двух лет назад режиссер-постановщик Арне Микк поделился со мной своим замыслом. Давно знаю я и режисера Эри Класа, со времен его стажировки у нас, в Большом театре. Собственно, энтузиазм, энергия и талант этих редкостно динамичных людей создали в содружестве с художником Большого театра Валерием Левенталем спектакль, который никак

не назовешь случайным или рядовым. Спектакль многих актерских удач, с работами двух давних моих друзей — Мати Пальма и Тео Майсте в роли Бориса. А как интересны Тийт Тралла, Сирье Пуура, Марика Ээнсалу! И разве только они?

В театре «Эстония» я спел Бориса уже шесть раз, и для меня участие в этом спектакле, который кроме всего прочего дает слушателям возможность встретиться с неизвестными страницами творчества Мусоргского, знаменательно тем, что здесь я возвращаюсь словно бы к началу, к первому чрезвычайно интересному замыслу композитора, не замутненно-му еще советами как друзей, так и недругов. Теперь, имея за плечами опыт работы в спектаклях, сделанных на основе двух других редакций оперы, можно в целом проследить ход мысли композитора, приблизиться к изначальным идеям, волновавшим его, понять, насколько сложна была его художественная эволюция.

— Предполагаете ли вы продолжать свои гастрольные выступления в «Борисе Годунове» театра «Эстония»?

— Вне всякого сомнения, хотя сейчас говорить об этом достаточно сложно. Уже в первые месяцы этого года кроме спектаклей в Большом театре меня ожидают спектакли и концерты в Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, поездки в Вену, Париж, Буэнос-Айрес, Мюнхен. Но если не сейчас, то несколько позже я в Таллин все же приеду обязательно. Буду рад новой встрече с ним.

Вел беседу
Н. КИРИЛЛОВ.

На снимке: Е. Нестеренко в роли Бориса Годунова.

Фото Г. Вайдла.